

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Муратова С.Р. Динамика социальной дифференциации населения городов юга Западной Сибири конца XIX – 30-х годов XX века // Исторический журнал: научные исследования. 2024. № 6. DOI: 10.7256/2454-0609.2024.6.72146 EDN: TJUUMX URL: https://nbppublish.com/library_read_article.php?id=72146

Динамика социальной дифференциации населения городов юга Западной Сибири конца XIX – 30-х годов XX века

Муратова Светлана Раиловна

ORCID: 0000-0001-9088-795X

кандидат исторических наук

старший научный сотрудник; Тобольская комплексная научная станция Уральского отделения Российской академии наук

626152, Россия, Тюменская Обл область, г. Г Тобольск, ул. Академика Юрия Осипова, 15

s.r.muratova@utmn.ru

[Статья из рубрики "История и историческая наука"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2024.6.72146

EDN:

TJUUMX

Дата направления статьи в редакцию:

31-10-2024

Дата публикации:

09-12-2024

Аннотация: Объектом нашего локально-исторического исследования стала совокупность городского населения юга Западной Сибири, предметом – закономерности и формы социальной дифференциации населения Омска, Петропавловска, Семипалатинска, Павлодара, Бийска и Усть-Каменогорска. Эти города имели единую историю зарождения на приграничной территории. Цель исследования состояла в анализе форм социальной дифференциации населения городов юга Западной Сибири в хронологических рамках конца XIX в – первой трети XX в. и в выявлении закономерностей. Автор опирался на концепт лимнологии, который фокусируется на изучении приграничных территорий и процессов. Это позволило определиться с начальными территориальными рамками

исследования, которые были ограничены югом Западной Сибири, включающим в себя юг Томской губернии (Алтайский край), территорию Степного генерал-губернаторства с центром в Омске и включившим в свой состав Акмолинскую и Семипалатинскую области. Интегративный методологический подход, соединяющий исторические методы исследования с методами микросоциологии, позволил изучить население городов через анализ статистических данных переписей. Системный, сравнительно-исторический, статистический методы позволили комплексно изучить заявленную тему, классифицировать и обработать данные с вычислением абсолютных и относительных величин, средних значений, с использованием демографических показателей. Новизна исследования заключается в рассмотрении функциональной, ранговой дифференциации населения исследуемых городов. Установлено, что в приграничных городах с конца XIX в. по первую треть XX века наблюдаются изменения в ранговой дифференциации: уменьшение численности дворянства и военного сословия, заметное увеличение мещан, купечества. Внимание уделено изучению учета городского населения после смены политического режима: обозначено, что в переписях советской эпохи учет населения велся по классовому признаку и положению в занятости. В таблицах представлен анализ функциональной дифференциации самодеятельного населения и выявлен уровень его активности, анализ доходов и доступа к привилегиям. Выявлено нивелирование заработной платы для уменьшения дифференциации населения. Отмечено наличие неравенства между представителями номенклатуры и остальной массой населения городов.

Ключевые слова:

социальная дифференциация, функциональная дифференциация, ранговая дифференциация, Западная Сибирь, город, Омск, Петропавловск, Семипалатинск, Бийск, Усть-Каменогорск

Введение

Понятие «социальная дифференциация» имеет в своей основе латинское слово «*differentia*», что обозначает различие и употребляется для классификации статусов, ролей и социальных институтов. Социальная дифференциация понимается как разделение общества на различные социальные группы, которые занимают в нем разное положение, то есть имеют определенный социальный статус. Эти социальные группы могут различаться по возрасту, полу, профессиям, религии, национальности, должности, образованию и др. основаниям. Социальная дифференциация может включать и социальную стратификацию, вызывать статусное неравенство, рассматривать разделение общества на слои по критериям дохода, власти, образования и престижа. Опыт показывает, что чаще всего выделяют социальное и экономическое неравенство, подразумевая под этим неравный доступ к благам в общественной и экономической жизни [\[18\]](#).

При изучении динамики социальной дифференциации населения необходимо рассматривать и закономерности: усложнение социальной дифференциации и её упрощение. Первое происходит при возникновении новых социальных дифференциаций, форм собственности, а второе — при исчезновении правящей элиты с её привилегиями и разрушении иерархии собственников по величине доходов. Упрощение социальной дифференциации населения города может способствовать снижение неравенства. Само снижение неравенства может быть следствием положительного влияния государственной

политики [\[31, с. 251-252\]](#)

Важным источником для изучения динамики социальной дифференциации населения городов юга Западной Сибири и Степного края являются статистические отчеты и описания [\[13, 21\]](#), материалы однодневных городских переписей, материалы переписей населения 1897 г.[\[22-27\]](#), 1920 г.[\[16\]](#), 1923 г.[\[17\]](#), 1926 г.[\[6-8\]](#), 1937 г.[\[9\]](#).

Вопросы демографии города, этнической и конфессиональной структуры городских сообществ, сословно-классовый состав населения городов, проблемы привилегий в советском обществе являлись предметом интереса многих исследователей. Отметим исследователей, которые обращались к выше описанным проблемам. В дореволюционный период – Г. Н. Потанин [\[28\]](#). В советской историографии к социологии города обращались А. Д. Колесников, Н. М. Дмитриенко, В. А. Скубневский, М. В. Шиловский. В современной российской историографии изучение населения городов Западной Сибири, его социальной структуры и социальной дифференциации стало более привлекательной темой и интересовала многих исследователе: И. А. Коновалова, Ю. М. Гончарова [\[11, 12\]](#), В. А. Исупова [\[15\]](#), В. Н. Владимира [\[5\]](#), О. Б. Дашина-Жилов и др. В этих работах исследованы динамика численности населения городов, национальный, сословный, классовый состав населения, структура занятости, демографические процессы в отдельных городах Западной Сибири.

В выборе предмета исследования мы опирались на опирались на концепт лимологии как методологический подход. Рассмотренные нами исторические условия формирования урбанистического каркаса вдоль границ Западной Сибири в XVI-XVIII века [\[20\]](#) предопределили выбор территориальных рамок исследования. Города-крепости, заложенные в течении XVI-XVIII вв. стали фокусами связи сибирских регионов с центром и предопределили траекторию дальнейшей урбанизации. Каркас урбанизации в Азиатской России повторил траекторию расположения крепостей на Сибирских линиях. Оси урбанистического каркаса предопределили особенности расселения переселенцев, а также и плотность населения на этих территориях.

Объектом нашего исследования стала совокупность городского населения юга Западной Сибири, предметом – закономерности и формы социальной дифференциации населения Омска, Петропавловска, Семипалатинска, Павлодара, Бийска и Усть-Каменогорска. Территориальные рамки исследования очерчены югом Западной Сибири, а именно городами Петропавловск, Омск, Семипалатинск, Павлодар и Усть-Каменогорск, Бийск. Цель исследования состояла в анализе форм социальной дифференциации населения городов юга Западной Сибири в хронологических рамках конца XIX в – первой трети XX в. и в выявлении закономерностей. Хронологические рамки, конец XIX – первая треть XX в. выбраны не случайно: в этот период Сибирь активно вовлекалась во все политico-экономические и социально-культурные преобразования, которые проходили в стране. Политические обстоятельства, в которых оказалась Россия, вызвала необходимость проведения реформ управления, в области экономики, образования, военной сферы и др. Они, в свою очередь, стимулировали рост численности населения региона и, в особенности, способствовали развитию городов.

Методы и методологические подходы в исследовании:

Наше локально-историческое исследование опирается на интегративный методологический подход – исторические методы исследования региональной истории соединены с методами микросоциологии, опирающиеся на изучении городских

поселений через анализ статистических данных переписей. Это позволяет объявить системный метод одним из главных в данном исследовании, который позволил описать закономерности и формы социальной дифференциации населения городов юга Западной Сибири, сравнительно-исторический метод – сопоставить факты в развитии городов юга Западной Сибири и выявить общие и особенные признаки в динамике социальной дифференциации их населения. Статистические данные о количестве и составе населения и др. данные классифицированы и обработаны с выявлением абсолютных и относительных величин, средних значений, с использованием демографических показателей. В целом, в основе исследования заложены принципы и методы исторического познания, а именно принципы историзма и научной достоверности.

Основная часть

Население России в ходе промышленной модернизации и индустриализации не толькоросло. Были периоды спада, который пришелся на время I Мировой войны, революций 1917 г. и Гражданской войны. В статистических данных зафиксированы следующие факты демографических скачков и спадов в городах юга Западной Сибири. К примеру, с 1897 г. по 1912 г. зафиксирован рост численности городов Омска на 95904 чел., Петропавловска на 21599 чел., то есть в 3,7 и 3 раза соответственно (удельный вес роста составил 72 % и 66,3 %). В среднем ежегодно численность города Омска увеличивалась на 6394 чел., а Петропавловска — на 1837 чел. В то же время на отрезке времени с 1912 по 1920 года наблюдался значительный спад численности населения этих двух городов: Омска на 21599 чел. (16,2 %) и Петропавловска на 11816 чел. (28,4 %). Население Омска и Петропавловска в 1912 г. составило 133280 и 41539 чел. соответственно, в 1920 г. в Омске было зафиксировано 111681 чел., а в Петропавловске — 29723 чел. В 1923 г. в Омске насчитывалось 143380 чел., а в Петропавловске — 35884 чел. [21, с. 28] Движение населения городов юга Западной Сибири представлено на рисунке 1.

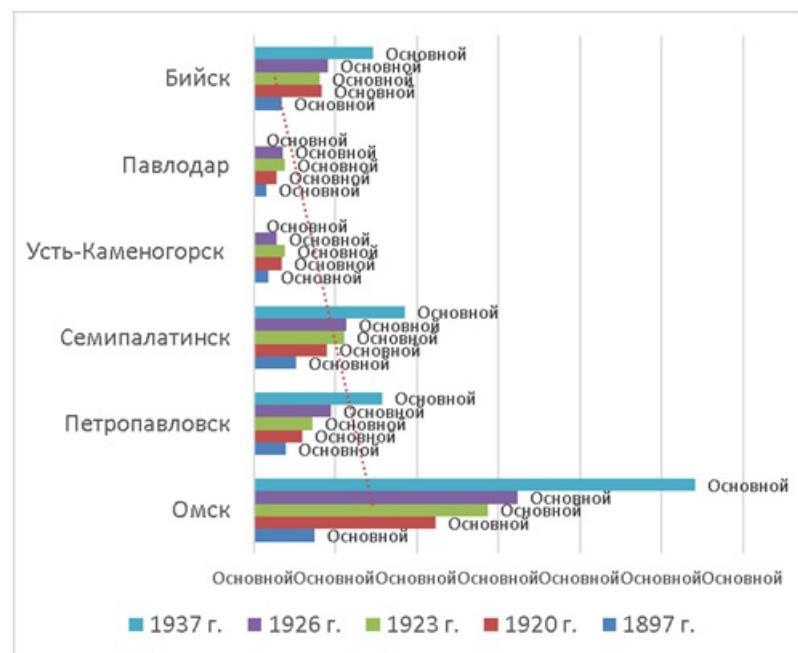

Рис. 1. Движение городского населения юга Западной Сибири с 1897 по 1937 гг.

Использованы материалы переписей 1897, 1920, 1923, 1926 и 1937 годов [6-91, 22-27].

В. А. Исупов в своей монографии «Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки» также указывал, что в

начале XX века население России подверглось многим испытаниям: три революции, беспрецедентная по жестокости Гражданская война, безумие военного коммунизма, Первая мировая война [\[15, с. 3\]](#).

Повлияли на динамику роста населения насильственная коллективизация, голод 1921-1922-х гг. и 1932-1933-х гг., сопровождавшийся эпидемиями инфекционных заболеваний [\[15, с. 3\]](#). Эти демографические потрясения оказали сильное влияние и на движение казахского населения в регионе. Н. Л. Краснобаева отмечает, что за период с 1897 г. по конец 1926 г. процент казахского населения с 74,1 % упал до 57,1 % [\[19, с. 30\]](#).

Динамику социальной дифференциации населения выбранных городов (Омска, Петропавловска, Семипалатинска, Павлодара, Усть-Каменогорска, Бийска и Новокузнецка) мы рассмотрели через анализ *функциональной и ранговой социальной дифференциации* [\[18\]](#).

Ранговую дифференциацию населения городов юга Западной Сибири рассмотрим по их сословному и классовому составу. Представители различных сословий и классов имели неодинаковый доступ к власти и привилегиям, к собственности, статусу и престижу. Это как раз и отражает неравенство в обществе.

Известно, что городские сословия, построенные на принципах наследственности прав и корпоративной организации были законодательно закреплены в эпоху Екатерины II. В то же время купеческое звание не было наследственным, и цеховые ремесленники не имели личных сословных прав. В течении XIX века правовая база городских сословий изменялась, но привилегированными оставались дворяне и купцы, мещане, цеховые ремесленники занимали нижнюю ступень в этой иерархии. Реформы Александра II повлияли на усложнение российского общества, городское население приобрело сложную социальную структуру, произошел переход от жестко сословной податной системы к бессословному налогообложению. Динамику изменения сословного состава и численности представителей отдельных сословий можно проследить по статистическим материалам, представленным в Памятной книжке Акмолинской области 1887 г., сравнив с результатами переписи 1897 г.

К примеру, сословный состав населения Омска и Петропавловска был представлен служителями культа, дворянами, служилыми и неслужилыми солдатами, казаками, мещанами, купцами, разночинцами, инородцами и даже крестьянами. Их количество представлено в таблице 1.

Таблица 1.

Сословный состав населения Омска и Петропавловска*[\[21\]](#)

Сословия	в Омске		в Петропавловске	
	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.
Духовные	46	40	46	61
Дворяне	5380	1217	179	226
Солдаты служилые	1750	1954	193	393
Солдаты неслужилые	1815		456	
Казаки	790	993	731	683
Крестьяне	1191	1199	2214	1898
Мещане	8058	8462	2428	2260
Купцы	100	182	223	115
Разночинцы	2		12	1
Инородцы - киргизы	179	256	903	820
- татары	56	99	56	50
- среднеазиаты			16	17
ИТОГО	19367	14392	7458	6527

* Памятная книжка Акмолинской области на 1887 г. С. 19., Приложение 2. С. 1.

В материалах переписи 1897 г. были выделены следующие сословные группы: дворяне потомственные и их семьи; дворяне личные, чиновники не из дворян и их семьи; лица духовного звания, всех христианских вероисповеданий и их семьи; потомственные и личные почетные граждане, и их семьи; купцы и их семьи; мещане; крестьяне; войсковые казаки; инородцы; финляндские уроженцы; лица не принадлежащие к названным сословиям; лица не указавшие сословия; иностранные подданные. Численность и удельный вес представителей этих сословных групп представлен в таблице 2.

При сравнении можно заметить увеличение в Омске представителей духовенства и купечества, а также крестьян, в то же время уменьшение дворян, военного сословия и мещан. В Петропавловске уменьшилось количество духовенства, а численность дворянства, казаков, купцов, мещан и крестьян выросло.

Так по переписи 1897 г. доля представителей дворянского сословия в рассматриваемых городах составляла от 2 % (Бийске) до 13,8 % (Омске). В Семипалатинске, Петропавловске, Павлодаре и Усть-Каменогорске около 3-4 %, в Кузнецке до 6,3%. Процент духовенства, потомственных и личных почетных граждан с их семьями не превышал 1 %. Удельный вес и купцов с их семьями среди горожан в разных городах составил от 0,7 % до 2,5 % (Таблица 2).

Об Омске того периода оставил свидетельства современник, Г.Н. Потанин, который отмечал, что «значительный процент городского населения составляли отставные чиновники и отставные офицеры и солдаты». Он писал, что в Омске самая дешевая жизнь на всем расстоянии от Петербурга до Иркутска. Но генерал-губернаторская резиденция делала город центром культурной жизни и привлекательным для отставных чиновников и военных. Здесь, по свидетельству Г.Н. Потанина, организовывались «концерты, спектакли, балы и фейерверки». Поэтому даже из Оренбурга и Иркутска отставные чиновники съезжались в Омск доживать свой век на пенсии (28, с. 84-85).

Границы между группами населения были нечеткими. Это, в свое время, было отмечено отечественным статистиком начала XX века Н. А. Рубакиным «у нас нередко встретить человека, который и сам не знает, к какому сословию он принадлежит». Исследователь истории городов Сибири, Ю. М. Гончаров, отмечал, что реальная жизнь в Российской империи «не укладывалась в юридически закрепленную четырехсословную систему» и сама она, система, была очень изменчивой. Известно, что сибирский город отличался еще и тем, что в нем выделялась такая категория населения, как [ссыльные](#) [12, с. 125].

А. Рибер писал, что реформы 1860-1870-х гг. «снижали барьеры которые разделяли

население России на наследственные сословия, но они не отменили полностью законодательные различия, которые продолжали препятствовать формированию внутри России социальных классов и национального гражданства, по крайней мере, в том смысле, в каком они известны в Западной и Центральной Европе»[\[29; 12, с. 125\]](#).

Ю. М. Гончаров, обсуждая сословный состав населения городов Западной Сибири отметил заметное сокращение целого ряда категорий: военных, являвшихся второй по численности группой среди горожан, на протяжении пореформенного периода исчезнувших из статистики; купцов, почетных граждан, духовенства. Самым массовым городским сословием отмечено мещанство[\[12, с. 129\]](#).

Формирование мещанского сословия было обусловлено законодательными актами времен Екатерины II. Жалованная грамота 1785 г. очертила источник пополнения этой категории горожан. Мещанскоe сословие городов пополнялось изначально из числа посадских людей, освобожденных крепостных, из числа низших военных чинов, вольных «гулящих людей», государственных крестьян, иностранцев [\[3, с. 28-281\]](#).

По численности мещанскоe сословие в городах Западной Сибири было самым большим. Удельный вес этой категории горожан по данным переписи 1897 года в городах юга Западной Сибири составил от 36,7 % до 81,3 %: Омске – 37,3 %, в Петропавловске – 45,2 %, Семипалатинске – 38,2 %, Павлодаре 36,7 %, Усть-Каменогорск – 54,5 %, Кузнецке – 61 %, Бийске – 81,3 %. Невысок был процент мещан в Омске, по сравнению с другими рассматриваемыми городами. Г. Н. Потанин тоже отмечал этот факт в своем труде [\[28, с. 84\]](#). Если учесть, что мещане в рассматриваемый нами период в основном пополнялись за счет крестьян, то возможно и увеличение указанных процентов за счет отдельно выделенной в переписи 1897 года такой категории горожан, как крестьяне (Таблица 2).

Таблица 2

Распределение населения по сословиям и состояниям по переписи 1897 г.*

	Дворяне постоеенные и их семьи	Дворяне личные, членовки не из дворян и их семьи	Потомственные и личные почетные граждане и их семьи	Купцы и их семьи	Мещане	Крестьяне	Войсковые казаки	Инородцы	Финансовые уроженцы	Лица, не принадлежащие к называемым сословиям	Лица, не указавшие сословие	Иностранные подданные	Итого	
Омск	1862 5	3274 8,8	321 0,9	472 1,3	13929 37,3	13353 35,7	2246 6	846 2,3	2 0,01	534 1,4	188 0,5	28 0,1	37376	
Петропавловск	285 1,4	281 1,4	85 0,4	51 0,3	457 2,3	8898 45,2	5082 25,8	1901 0,1	2564 13	– 0,2	38 0,05	11 0,05	29 0,1	19688
Семипалатинск	380 1,4	691 2,6	78 0,3	130 0,5	436 1,7	10020 38,2	4480 17,1	642 2,4	9101 34,6	3 0,01	199 0,8	65 0,2	21 0,08	26246
Павлодар	52 0,7	180 2,3	22 0,3	29 0,4	105 1,4	2840 36,7	2190 28,3	781 10,1	1527 19,7	– 0,06	– 0,06	5 0,06	7 0,09	7738
Усть-Каменогорск	139 1,6	197 2,3	59 0,67	57 0,65	95 1,1	4753 54,5	1933 22,2	730 8,4	677 7,8	– 0,6	56 0,25	22 0,25	3 0,03	8721
Бийск	101 0,6	249 1,4	117 0,7	128 0,7	127 0,7	13987 81,3	2273 13,2	8 0,05	130 0,8	1 0,01	65 0,38	17 0,09	10 0,06	17213
Кузнецк	53 1,7	144 4,6	20 0,6	68 2,2	78 2,5	1900 61	663 21,3	7 0,2	67 2,1	– 3,1	96 0,7	21 0,7	– 0,7	3117

*Числитель – абсолютное значение; знаменатель – удельный вес в %. Таблица составлена по материалам переписи 1897 г. [\[22, с. 230-231; 234-235; 26, с. 124-125; 128-129; 27, с. 137-143\]](#).

По мнению Ю. М. Гончарова, несмотря на существование в конце XIX – начале XX века всесословных общегородских органов самоуправления, введенных в эпоху городской реформы Александра II, правительство сохранило и поддерживало сословные органы

самоуправления. Свою точку зрения доказывает на примере мещанского сословия городов Западной Сибири [\[11, с. 48-49\]](#).

Ю. М. Гончаров отдельно рассматривает деятельность таких органов сословного (общинного) самоуправления в городах (особенно крупных), как мещанские собрания и управы, отмечает их востребованность. Мещанские общества могли владеть недвижимым имуществом. В крупных городах это имущество могло быть довольно значительным. Отдельно существовали такие общества у купечества и ремесленников. Такие сословные общества, являясь юридическим лицом имели в собственности недвижимое имущество, которое за счет сдачи в аренду приносило пассивный доход [\[11, с. 48-49\]](#).

В социальной мобильности мещанство было привлекательным для крестьян с той точки зрения, что сословная принадлежность передавалась жене, даже если она была низшего происхождения, детям, и даже усыновленным. То есть крестьянская девушка могла повысить свое социальное положение, выйдя замуж за мещанина. Мещанка же, сочетавшаяся браком с крестьянином, сохраняла свой статус. Но не все могли стать частью этого сословия. Были определенные условия, одним из которых было приобретение недвижимости в городе, вторым условием – занятие торговлей или ремеслом и др.

В целом, в начале XX века замечена тенденция сокращения дворян, увеличение представителей делового и торгового мира (купечества и мещан), стремление вновь прибывших горожан записываться в мещанское сословие, которое давало российскому горожанину пусть небольшую, но заметную привилегию и статус.

По данным 1907 г. можно рассмотреть изменения в социальной структуре Семипалатинска и Усть-Каменогорска, сравнивая статистические показатели с данными переписи 1897 г. В Семипалатинске сократилось по сравнению с 1897 г. численное количество дворян, чиновников, офицеров (было 1071 чел., 4 % от общей численности населения города, стало 762 чел., 2,9 % от общей численности населения). Духовенство снизилось с 78 чел. (0,3 %) до 27 человек (0,1 %). Увеличилось количество мещан – с 10020 чел. (38,2 %) до 14805 (56,2%); в то же время заметно сокращается численность крестьян в городе: с 4480 чел. (17,1 %) в 1897 г. до 2660 (10,1%) в 1907 г.; казаков с 642 (2,4 %) до 227 (0,9%). По переписи 1897 г. было учтено 9191 инородец. В эту категорию входили не только казахи, но и другие азиатские народы. По данным 1907 г. в Семипалатинске было 6586 (25,0%) казахов, 56 (0,2%) – иностранных подданных [\[30, с. 20\]](#).

В Усть-Каменогорске также отмечалось сокращение дворянского сословия с 336 (3,9 %) до 191 (1,5 % от общей численности населения города; духовенства – с 59 (0,67 %) до 40 (0,3%); крестьян – с 1933 (22,2 %) до 1443 (11,4%); казаков – с 730 (8,4 %) до 114 (0,9%). В то же время наблюдалось увеличение купцов и почетных граждан – с 152 (1,75 %) до 235 (1,9%); мещан с 4753 (54,5 %) до 10007 (78,9%) [\[13, с. 20\]](#).

В этих двух городах заметно различается сословная структура города. В начале XX века достаточно существенная разница была доля этнического населения – в Семипалатинске треть городского населения составляли инородцы, в то же время в Усть-Каменогорске – только 7,8 % (Таблица 2).

Городское население юга Западной Сибири, как и других регионов страны, росло за счет переселения сельских жителей в города, которые не были готовы в одноточье отказаться от привычной для них жизни. Удельный вес населения городов юга Западной

Сибири, занятого сельскохозяйственным трудом, был достаточно высоким. Самое большое количество крестьян было в Омске (35,7 %), в остальных городах – поменьше: в Петропавловске – 25,8 %, Семипалатинске – 17,1 %, Павлодаре 28,3 %, Усть-Каменогорске – 22,2 %, в Бийске – 13,2 %, в Кузнецке – 21,3 %. Но если учесть, что в Семипалатинске был достаточно высок процент инородческого населения (35 %), то показатель населения, занятого сельскохозяйственным трудом, в этом городе достигал 52 %, а в Петропавловске – до 38 %, Павлодаре – 48 % и Усть-Каменогорске – 30 % (Таблица 2).

Большой удельный вес занятых сельскохозяйственным трудом в составе горожан был объективно обусловлен особенностью русского города. Исследователи отмечают, что со второй четверти XIX в. правительство, обеспокоенное медленным ростом доли городских сословий в населении городов, даже не пыталось затруднить доступ крестьянства в городскую среду – столь очевидна была безрезультатность борьбы с присутствием крестьян и проникновением их в города. Правительство обратилось к другим средствам стимулирования урбанизации – к привлечению лиц из сельских и других сословий в городские, предоставлению последним некоторых льгот – и этим путем достигло заметных успехов [\[14, с. 42\]](#).

Значительную часть населения городов юга Западной Сибири составляли трудящиеся-ремесленники, рабочие промышленных предприятий, и мелкие служащие. Многие из них занимались и сельским хозяйством. Казахские и русские рабочие на промышленных предприятиях работали сезонно, весной и летом. В особенности казахи, когда прикочевывали к рудникам и заводам.

Сохранение связей горожан с сельским хозяйством рассматривалась российской историографией особенностью отечественной индустриализации конца XIX века – начала XX века. Исследователи отмечали, что классообразование в городах, и в особенности рабочего класса городов происходило за счет крестьян-отходников, которые оставляли свои семьи в составе крестьянского двора, в летний сезон возвращались в деревню для участия в полевых работах. Сезонный характер предложения своего труда крестьянами в городах, с одной стороны, вызвала такую особенность найма рабочих рук в промышленных рынках труда, с другой стороны, стало фактором предотвращения быстрой пролетаризации, которая была характерна для экономик Англии, стран Европы и Северной Америки. Описывая российскую модель модернизации Х. Кесслер отмечал её как «уникальный русский путь к индустриализации, аналога которому в истории нет. Реформы, проводимые на рубеже веков, так и в первые десятилетия советской власти должны были спасти страну от дисбаланса между ограниченными земельными ресурсами и стремительно растущим сельским населением [\[1, с. 12\]](#)

После Октябрьской революции, в период НЭПа социальная структура молодого Советского государства претерпела значительные изменения. Сословные пережитки были преодолены. В переписях 1920 г., 1923 г. и 1926 г. население было ранжировано по классовому признаку: по положению в занятии. В переписи 1920 г. были выделены следующие социальные группы: рабочие, служащие, лица внеслужебного положения, хозяева без наемных рабочих, помогающие члены семьи, хозяева с наемными рабочими, рантьеры, духовенство, армия и флот, деклассированные группы, лица, неточно обозначившие занятия, иждивенцы государственных и общественных учреждений. Перечень делений в 1923 и 1926 гг. подвергался лишь небольшим изменениям, так что городское население было ранжировано по этим разделам [\[5, с. 61-62\]](#). Ниже для сравнения приведены упомянутые классификации занятий (Таблица 3).

Таблица 3

Социальные группы, выделенные по переписям 1920, 1923 и 1926 гг.

1920 г.	1923 г.	1926 г.
1. Рабочие	1. Рабочие	1. Рабочие
2. Служащие	2. Служащие 3. Прислуга	2. Служащие
3. Лица внеслужебного положения	4. Лица свободных профессий.	3. Лица свободных профессий.
4. Духовенство		
5. Хозяева с наемными рабочими	5. Хозяева с наемными рабочими	4. Хозяева с наемными рабочими
6. Хозяева без наемных рабочих	6. Хозяева, работающие только с членами семьи или товарищества. 7. Хозяева-одиночки.	5. Хозяева, работающие только с членами семьи или члены артели. 6. Одиночки.
7. Помогающие члены семьи	8. Помогающие члены семьи	7. Члены семьи, помогающие в занятии.
8. Рантьеры 9. Деклассированные группы 10. Иждивенцы государственных и общественных учреждений 11. Лица, неточно обозначившие занятия	9. Прочие занятия	8. Лица, не имеющие или не указавшие занятий
12. Армия и флот	10. Безработные	9. Безработные
	11. Армия и флот	10. Военнослужащие

В новом советском обществе ранги были выстроены по-новому: в Конституции СССР 1924 г. была декларирована ликвидация эксплуататорских классов, остались рабочие, крестьяне и интеллигенция.

В переписи было выделено самодеятельное население. Оно включало как работающее население, имеющее заработок, самостоятельное в экономическом плане, так и лиц, временно не работающих по независящим от них причинам. Самодеятельное население могло получать доход как активный, так и пассивный (аренда, торговля и ремесло, проценты по вкладам и др.). В таблице 4 и на рисунке 2 представлено население рассматриваемых городов, ранжированное по классовому признаку и по занятиям.

Рис. 2. Самодеятельное население юга Западной Сибири по данным переписи 1926 года (население представлено по социальным группам, выделенным в материалах переписи)

[\[7, с. 78-123; 8, с. 183, 190-193\]](#)

Самыми многочисленными были рабочие и служащие, которые составили чуть более 20 % населения Омска, Бийска, Петропавловска, 25 % — Усть-Каменогорска, и 17,2 % — Семипалатинска и 13,7 % — Павлодара. Следует заметить, что в переписи 1926 г. в категорию «лица, не имеющие или не указавшие занятий» вошли рантье, деклассированные группы, иждивенцы государственных и общественных учреждений, лица, неточно обозначившие занятия. Данный показатель по переписи 1926 г. в Бийске был самый высокий и составил 6,9 %, в Омске, Петропавловске и Семипалатинске — чуть более 5 %, в Павлодаре и Усть-Каменогорске — чуть более 4 %.

Функциональную дифференциацию населения городов мы рассмотрели на основе анализа разделения труда среди горожан, профессиональной и ролевой дифференциации. Нами проанализировано самодеятельное население городов юга Западной Сибири и выявлен показатель его активности. Отношение численности самодеятельного населения к общей численности населения называется показателем самодеятельности населения или показателем его активности. На рисунке 2 наглядно представлен численный состав самодеятельного населения Омска, Бийска, Петропавловска, Семипалатинска, Павлодара, Усть-Каменогорска по отдельным социальным группам. В таблице 4 представлен удельный вес экономически активного населения городов юга Западной Сибири по отдельным социальным группам.

Таблица 4

Самодеятельное население городов переписи 1926 г., по социальным группам, с указанием удельного веса каждой группы среди занятого населения*

	А. Рабочие	Б. Служащие	В. Лица свободных профессий	Г. Хозяева с наемн. работниками	Д. Хозяева, работающ. только с членами семьи или члены артели.	Е. Одиночки.	Ж. Члены семьи, помогающие в занятии.	З. Лица, не имеющие или не указавшие занятий
Омск	17616 26,3	18667 27,9	276 0,4	529 0,8	2761 4,1	5495 8,4	3067 4,6	9066 13,6
Бийск	4702 23,7	4589 23,1	42 0,2	147 0,7	2043 10,3	1590 8,0	2274 11,5	3185 16,0
Петропавловск	4781 24,7	5515 28,5	97 0,5	197 1,0	1326 6,9	2111 10,9	1485 7,7	2370 12,2
Семипалатинск	4448 21,7	5347 26,0	146 0,7	192 0,9	1306 6,4	2986 14,5	801 3,9	2957 14,4
Павлодар	1087 16,4	1358 20,5	24 0,4	75 1,1	864 13,0	795 12,0	1137 17,2	792 12,0
Усть-Каменогорск	2044 27,9	1612 20,0	27 0,3	66 0,8	842 10,5	1241 15,4	1274 15,8	601 7,5

* В числителе — абсолютное значение, в знаменателе — удельный вес социальной группы среди самодеятельного населения города в %. Таблица составлена по материалам переписи 1926 г. [\[7., с. 78-123; 8, с. 183,190-193\]](#)

Как мы уже выше отмечали значительно по численности выделялись рабочие и служащие, составившие от 1/4 до 1/5 части городского населения, а также категория учтенного населения «лица, не имеющие или не указавшие занятий» (от 7,5 % в Усть-Каменогорске до 16 % в Бийске), возможно имеющие пассивный доход с собственности.

В таблице 4а представлена численность экономически активного населения по отдельным профессиональным группам с учетом вовлеченности мужчин и женщин.

Таблица 4а

Группа населения «Б» – служащие по отдельным профессиональным группам*

№ п/п	Профессиональная группа	Омск	Бийск
1.	Руководящий персонал	<u>1168</u> 95	<u>348</u> 37
2.	Высший технический персонал	<u>408</u> 21	<u>103</u> 6
3.	Средний технический персонал	<u>703</u> 35	<u>157</u> 10
4.	Хозяйственный персонал	<u>554</u> 40	<u>169</u> 27
5.	Учетно-контрольный, делопроизводственный персонал	<u>3433</u> 1490	<u>925</u> 334
6.	Торговый и хозяйственный персонал	<u>1127</u> 147	<u>462</u> 25
7.	Старший медицинский персонал	<u>188</u> 139	<u>26</u> 22
8.	Средний медицинский персонал	<u>150</u> 371	<u>36</u> 88
9.	Младший медицинский персонал	<u>80</u> 401	<u>12</u> 96
10.	Профессора, академики, преподаватели вузов	<u>75</u> 24	<u>0</u> 0
11.	Культурно-просветительский персонал	<u>351</u> 603	<u>76</u> 189
12.	Работники искусства	<u>118</u> 39	<u>45</u> 26
13.	Личная прислуга	<u>9</u> 2169	<u>1</u> 434

* В числителе – количество мужчин, в знаменателе – количество женщин. Таблица составлена по материалам переписи 1926 г. [\[7, с. 78-123\]](#)

Намного выше была занятость мужчин в таких профессиональных группах как «руководящий персонал» (92,4 % в Омске и 90,3 % в Бийске), «высший технический персонал» (95,1 % и 95 %), «средний технический персонал» (95,2 % и 94 %), «хозяйственный персонал» (93,3 % и 86,2 %), «торговый и хозяйственный персонал» (88,5 % и 94,9 %), и высокая занятость женщин – в таких группах как «средний медицинский персонал» (71 %), «младший медицинский персонал» (83,4 % и 88,9 %), «культурно-просветительский персонал» (63,2 % и 71,3 %), и очень большой процент занятости женщин в группе «личная прислуга» (99,7 %).

Рассмотрим динамику активности самодеятельного населения городов по переписям 1897 и 1926 гг в сравнении. К 1926 году численность Омска с 1897 г. увеличилось в 4,3 раза, на 124308 чел., в 1,5 раза – Усть-Каменогорска, в 2,3 раза – Павлодара, в 2,4 раза – Петропавловская и в 2,2 раза – Семипалатинска.

По переписи 1897 года самый большой показатель экономической активности был в Омске (49,3 %), в остальных рассматриваемых городах от 32,4 % в Бийске, до 39,9 в Семипалатинске. Высокая экономическая активность в Омске объясняется тем, что к концу XIX века через Омск прошла железная дорога, которая сильно повлияла на развитие как экономики города, так и на его рост. К 1926 году экономическая активность Омичей снизилась с 49,3 % до 41,4 %, а в городе Усть-Каменогорске наоборот, возросла с 34,5% до 57 %. В таблице 5 представлены динамика развития как общего населения городов юга Западной Сибири с 1897 года по 1926 год, так и самодеятельного населения, а также представлен показатель активности самодеятельного населения городов.

Таблица 5

Показатель активности городского населения юга Западной Сибири по переписям 1897 и 1926 гг.*

города	Всего населения 1897 г.	Самодеяльное население, 1897 г.		Всего населения 1926 г.	Самодеяльное население, 1926 г.	
		абс	в %		абс	в %
Омск	37376	18427	49,3	161684	66886	41,4
Петропавловск	19688	7224	36,7	47357	19338	40,8
Семипалатинск	26246	10468	39,9	56884	20536	36,1
Усть-Каменогорск	8721	3009	34,5	13908	8052	57,9
Павлодар	7738	2777	35,9	17942	6618	36,9
Бийск	17213	5581	32,4	45561	19860	43,6

*Для составления таблицы использованы материалы переписей 1897 и 1926 годов [6-9];
[22-27]

В материалах переписи 1926 года есть указание на уровень квалификации самодеятельного населения. Для такого ранжирования работающего населения использовались данные о грамотности/неграмотности, уровня образования. Численный состав квалифицированного, полуквалифицированного, неквалифицированного самодеятельного населения Омска и Бийска представлен на рисунке 3.

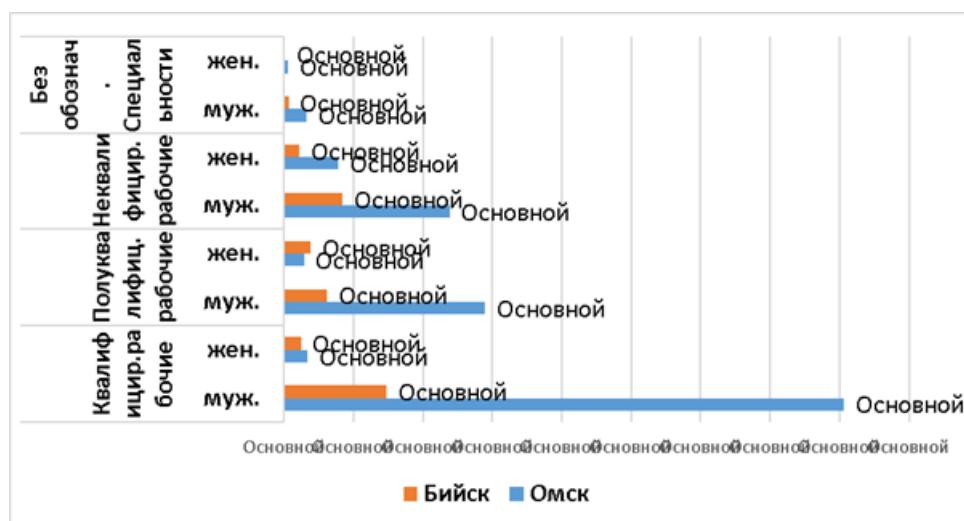

Рис. 3. Самодеятельное население городов по уровню квалификации [7, с. 78-123]

В Омске было больше квалифицированных рабочих и их доля была выше чем полукавалифицированных, неквалифицированных и рабочих без обозначения специальности вместе взятых. В Бийске ситуация была обратная. Социальное положение квалифицированного рабочего и неквалифицированного было разным, так как их доходы намного различались: доходы первых были выше. Поэтому можно предположить, что социальное положение рабочих в Омске было лучше, чем в Бийске.

Источниками для анализа дифференциации доходов населения по заработной плате стали «Бюллетьнь статистики труда Сибирского края». Показателем социальной дифференциации является средний заработок, который отражал престижность и востребованность тех или иных профессий, влияя на социальное положение и статус. Средний заработок отражал наличие диспропорции в оплате труда людей различных профессий. Анализ в таблице приведен отдельно по двум городам юга Западной Сибири и в целом по городам Сибири.

Таблица 6

Заработка служащих по городам юга Западной Сибири и в целом по Сибири в августе 1927 г.*

Города	Средний заработка служащих						В % к среднему заработка в августе 1926 г.	
	В золотых рублях			В бюджетных рублях				
	Государств. учрежден.	В кооперат. и обществ. учрежден.	Во всех учрежден.	Государств. учрежден.	В кооперат. и обществ. учрежден.	Во всех учрежден.		
Омск	55,94	73,22	60,65	30,12	51,20	42,41	106,6	95,3
Бийск	53,00	67,21	55,11	40,46	51,30	42,06	117,6	112,2
По Сибири	63,04	69,15	64,03	43,65	48,07	44,36	109,4	105,9

* Составлена по источнику: Бюллетень статистики труда Сибирского края. № 6, январь 1928 года. Новосибирск, 1928. 95 с.

Средняя зарплата по городам Сибири составила от 43,65 руб. в государственных учреждениях до 48,07 руб. в кооперативных и общественных учреждениях и 44,36 руб. во всех учреждениях. Рост зарплаты в августе 1927 г. по сравнению с аналогичным месяцем 1926 года составил 105,9% (Таблица 6). Следует отметить, что к 1926-1929 гг. советское правительство постаралось уровнять в зарплате рабочих и служащих для искоренения дифференциации населения по доходу. Динамика средней заработной платы служащих по всем городам Сибири составил 41,94 руб в августе 1926 г и 44,36 руб. в августе 1927 года (в бюджетных рублях). Но повышение заработной платы могло стать следствием изменения квалификационного состава учетной массы служащих в результате рационализации и сокращения штата [\[2, с. 6-7\]](#)

Средний месячный заработка служащих и младшего обслуживающего персонала фабрично-заводской промышленности Сибири за квартал июль-сентябрь 1927 года в обрабатывающей промышленности составил 97,41 бюджетных рублей у высшего административного и технического персонала, 51,28 рублей у служащих (без адм. и техн.), 21,79 рублей у младшего обслуживающего персонала. В добывающей промышленности соответственно – 102,29 руб., 58,91 руб. и 21, 01 руб. [\[2, с. 25-26\]](#). Заработка плата партийных работников была установлена в размере 150 % от уровня средней зарплаты в подконтрольных им учреждениях.

В. Н. Владимиров провел анализ уровня неравенства в заработной плате с помощью вычисления децильного коэффициента и индекса Джини. Исследователь отметил увеличение неравенства в зарплате служащих (повышение обоих коэффициентов: децильного – с 5,35 до 5,41, индекса Джини – с 0,34 до 0,35), уменьшение неравенства в зарплате рабочих (показатели децильного коэффициента упали с 3,56 до 2,50, а индекса Джини – с 0,25 до 0,19). Был обнаружен быстрый рост зарплаты низкооплачиваемых рабочих (на 127 % или в 2,27 раза за 4 года – с 16,10 руб. в 1925 г. до 36,54 руб. – в 1929 г.) по сравнению с зарплатой высокооплачиваемых рабочих (рост зарплаты составил 59,1 % – в 1,59 раз). Рост зарплат низкооплачиваемых рабочих к 1928-1929 гг. привел к некоторому выравниванию заработных плат рабочих (наравне с общей тенденцией по стране) [\[4, с. 90-92\]](#).

Заключение

В целом, в конце XIX – начале XX вв. наблюдалось усложнение социальной структуры городского населения, что явилось следствием реформ конца XIX в. и перехода к бессословному налогообложению. Динамика сословного состава и численности представителей отдельных сословий была прослежена по статистическим материалам с использование четырех форм дифференциации.

Ранговая дифференциация была рассмотрена по материалам переписи 1897 г., были выделены следующие сословные группы: дворяне потомственные и их семьи; дворяне личные, чиновники не из дворян и их семьи; лица духовного звания, всех христианских вероисповеданий и их семьи; потомственные и личные почетные граждане, и их семьи; купцы и их семьи; мещане; крестьяне; войсковые казаки; инородцы; финляндские уроженцы; лица, не принадлежащие к названным сословиям; лица не указавшие сословия; иностранные подданные. Отмечено увеличение в Омске представителей духовенства, купечества, крестьянства и заметное уменьшение дворян и военного сословия. Высокий процент представителей дворянства и чиновничества в Омске (13,8 %) по сравнению с другими исследуемыми городами, объясняется привлекательностью этого города для отставных чиновников, офицеров и солдат. Причиной тому явилось разнообразие развлечений в Омске, так как генерал-губернаторская резиденция делала этот город центром культурной жизни.

В дореволюционный период социальная структура городов юга Западной Сибири была следующей: удельный вес духовенства, потомственных и личных почетных граждан с их семьями в населении городов не превышал 1 %. Удельный вес и купцов с их семьями среди горожан в разных городах доходил от 0,7 % до 2,5 %. Самым многочисленным сословием в городах юга Западной Сибири были мещанское, удельный вес которого по данным переписи 1897 года от 36,7 % до 81,3 %: К 1907 г. отмечен рост количества мещан в Омске, Усть-Каменогорске, Семипалатинске.

После Октябрьской революции, в период НЭПа население городов было ранжировано по классовому признаку: по положению в занятии. Закономерным следствием этих изменений стало упрощение социальной структуры советского общества.

В рамках функциональной дифференциации было проанализировано самодеятельное экономически активное население городов юга Западной Сибири. Рабочие и служащие составляли 1/4 до 1/5 части самодеятельного городского населения. Большинство профессиональных групп было представлено мужчинами, но были отмечены профессии, в которых количество занятых женщин было больше чем мужчин — это «средний и младший медицинский персонал», «культурно-просветительский персонал» которые на от 63 до 88 % состояли из представителей женского пола, в группе «личная прислуга» женщины составили 99,7 %.

Советское правительство через заработную плату стремилось уменьшить социальную дифференциацию населения. Но неравенство в доходах между основным населением и номенклатурой свидетельствовала о том, что последняя стала привилегированным слоем населения в Советском государстве.

Библиография

1. Беспалов С.В. Экономическая модернизация России в конце XIX – начале XX в.: Современная историография: Аналит. обзор / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. истории; Отв. ред. Шевырин В.М. – М., 2014. 118 с.
2. Бюллетень статистики труда Сибирского края. Январь 1928 г. № 6. Новосибирск: ЦСУ, Сибирское объединенное краевое бюро статистики труда 1928. 95 с.

3. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Москва: Территория будущего, 2005. 800 с.
4. Владимиров В.Н. Дифференциация зарплат рабочих и служащих Сибирского края (1925–1929 гг.): децильные коэффициенты и индекс Джини // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 485. С. 87–93
5. Воробьев Н.Я. Всесоюзная перепись населения 1926 г. 2-е изд. Москва: ГСИ, 1957. 110 с.
6. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. VIII. Казахская АССР. Киргизская АССР. Отд. I: народность, родной язык, возраст, грамотность. – М.: ЦСУ Союза ССР, 1928. 256 с.
7. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. 23. Сибирский край. Бурято-Монгольская АССР. Отдел II: занятия. Москва: ЦСУ СССР, 1929. 411с.
8. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. 25. Казахская АССР. Киргизская АССР. Отд. II: занятия. Москва: ЦСУ СССР, 1929. 271 с.
9. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Приложение к XVIII – XXXIV томам. Отдел II. Занятия. М.: ЦСУ Союза ССР, 1929. 36 с.
10. Всесоюзная перепись населения 1937 года. Москва, 1991. 111 с.
11. Гончаров Ю.М. Мещанские общества в России второй половины XIX – начала XX вв.: исторический опыт самоуправления // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. 2019. № 17. С. 48-49.
12. Гончаров Ю.М. Проблема изучения социальной стратификации населения городов Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 4-1 (80). С. 124-130.
13. Города и поселения в уездах, имеющие 2000 и более жителей. Санкт-Петербург: паровая типо-лит. Н.Л. Ныркина, 1905. 108 с.
14. Гусева Т.М. Динамика численности городских сословий уездных городов Среднего Поволжья во второй половине XIX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 5 (11): в 4-х ч. Ч. III. С. 40-45. URL: https://www.gramota.net/articles/issn_1997-292X_2011_5-3_10.pdf (режим доступа 10.02.2024)
15. Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. С. 242 с.
16. Итоги переписи населения 1920 г. Москва: ЦСУ СССР, 1928. 190 с.
17. Итоги Всесоюзной городской переписи 1923 г. Часть I. Общие сведения о городах и их населении. Москва, 1924. 90 с.
18. Ковалев А.Д. Социальная дифференциация. Большая советская энциклопедия 2004-2017 [сайт]. URL: <https://old.bigenc.ru/sociology/text/1960690> (дата обращения 05.02.2024)
19. Краснобаева Н.Л. Динамика численности и этнический состав населения Казахстана по данным I Всесоюзной переписи 1926 г. // Казахстанский город: социально-демографический взгляд: Монография / Ж. С. Аубакирова, А. Н. Алексеенко, Э. О. Столярова, Г. А. Сарсембаева, Н.Л. Краснобаева, Т.Е. Өмірзақ – Усть-Каменогорск: издательство «Медиа Альянс», 2023. С. 27-36.
20. Муратова С.Р., Букиanova Р.Г. Концепт лимнологии в рассмотрении процесса формирования урбанистического каркаса Урала и Западной Сибири в контексте укрепления российской государственности в XVI-XVIII века // Genesis: исторические исследования. 2021. № 7. С.1-22. DOI: 10.25136/2409-868X.2021.7.36167 URL: https://enotabene.ru/hr/article_36167.html

21. Памятная книжка Акмолинской области на 1887 г. (год первый). Адрес-календарь и географическо-статистические сведения. Составлено секретарем областного статистического комитета И.А. Козловым. Приложение I. Омск: тип. Акмол. Обл. правл., 1887. 212 с.
22. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: Т. 79: Томская губерния / под редакцией Н. А. Тройницкого. Санкт-Петербург: издание ЦСК МВД, 1904. 246 с.
23. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Города и поселения в уездах, имеющие 2000 и более жителей / под ред. Н.А. Тройницкого. Санкт-Петербург: паровая типо-лит. Н.Л. Ныркина, 1905. 108 с.
24. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Вып. 5. Окончательно установленное при разработке переписи наличное население городов / под редакцией Н. А. Тройницкого. Санкт-Петербург: типография товарищества «Общественная польза», 1905. 48 с.
25. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Вып. 6: Наличное население обоего пола по уездам и городам с указанием преобладающих вероисповеданий и главнейших сословий / под редакцией Н. А. Тройницкого. Санкт-Петербург: паровая типо-литография Н. Л. Ныркина, 1905. 60 с.
26. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: Т. 81: Акмолинская область / под редакцией Н. А. Тройницкого. Санкт-Петербург: издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1905. 135 с.
27. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: Т. 84: Семипалатинская область / под редакцией Н. А. Тройницкого. Санкт-Петербург: издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1905. 148 с.
28. Потанин Г.Н. Города Сибири // Избранные труды / сост. и автор предисловия А. П. Казаркин. Томск, 2014. С. 69-92.
29. Riber A.J. Merchants and Entrepreneurs in Imperial Russia. Chapel Hill, 1982. 464 с.
30. Сарсембаева Г.А. Особенности формирования городского пространства Восточного Казахстана в XIX – начале XX века (на примере городов Семипалатинск и Усть-Каменогорск) Казахстанский город: социально-демографический взгляд: Монография / Ж. С. Аубакирова, А. Н. Алексеенко, Э. О. Столярова, Г. А. Сарсембаева, Н.Л. Краснобаева, Т.Е. Өмірзақ – Усть-Каменогорск: издательство «Медиа Альянс», 2023. С. 9-27.
31. Холодкова Н.А. Основные подходы к изучению социальных изменений // Вестник ТГУ, выпуск 11 (91), 2010. С. 247-252.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Сегодня на высшем государственном уровне обозначена серьезная забота о демографии России: ставится вопрос о необходимости стимулирования рождаемости, поддержки многодетных семей и т.д. Однако в истории нашей страны уже были периода резкого снижения численности населения, что заставляет обратиться к изучению истории демографических процессов.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является социальная дифференциация населения городов юга Западной Сибири. Автор ставит своими задачами проанализировать формы социальной дифференциации населения Омска, Петропавловска, Семипалатинска,

Павлодара, Бийска и Усть-Каменогорска, а также сопоставить различия между дореволюционной и ранней советской социальной структуры общества. Хронологические рамки исследования охватывают период конца XIX – первой трети XX вв., когда Сибирский регион претерпевал серьезные социально-политические и экономические перемены.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Автор также использует сравнительный метод.

Научная новизна статьи определяется самой постановкой темы: автор стремится охарактеризовать социальную дифференциацию населения городов юга Западной Сибири в хронологических рамках конца XIX в – первой трети XX в.

Рассматривая библиографический список статьи как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя свыше 30 различных источников и исследований, что само по себе говорит о том объеме подготовительной работы, которую проделал ее автор. Из привлекаемых автором источников укажем на статистические отчеты и описания, материалы однодневных городских переписей, материалы переписей населения. Из используемых исследований отметим работы Г.Н. Потанина, А.Д. Колесникова, И.А. Коновалова, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения городов Сибири. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по её теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как демографией, в целом, так и демографией Сибири, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что "конце XIX – начале XX вв. наблюдалось усложнение социальной структуры городского населения, что явилось следствием реформ конца XIX в. и перехода к бессословному налогообложению". В работе показано, что в дореволюционный период "самым многочисленным сословием в городах юга Западной Сибири были мещанская, удельный вес которого по данным переписи 1897 года от 36,7 % до 81,3 %". Рассматривая нэповский период, автор на различных примерах показывает, что

"правительство через заработную плату стремилось уменьшить социальную дифференциацию населения".

Главным выводом статьи является то, что

"неравенство в доходах между основным населением и номенклатурой свидетельствовала о том, что последняя стала привилегированным слоем населения в Советском государстве". Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, снабжена таблицами и рисунками, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекции по истории России, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале "Исторический журнал: научные исследования".